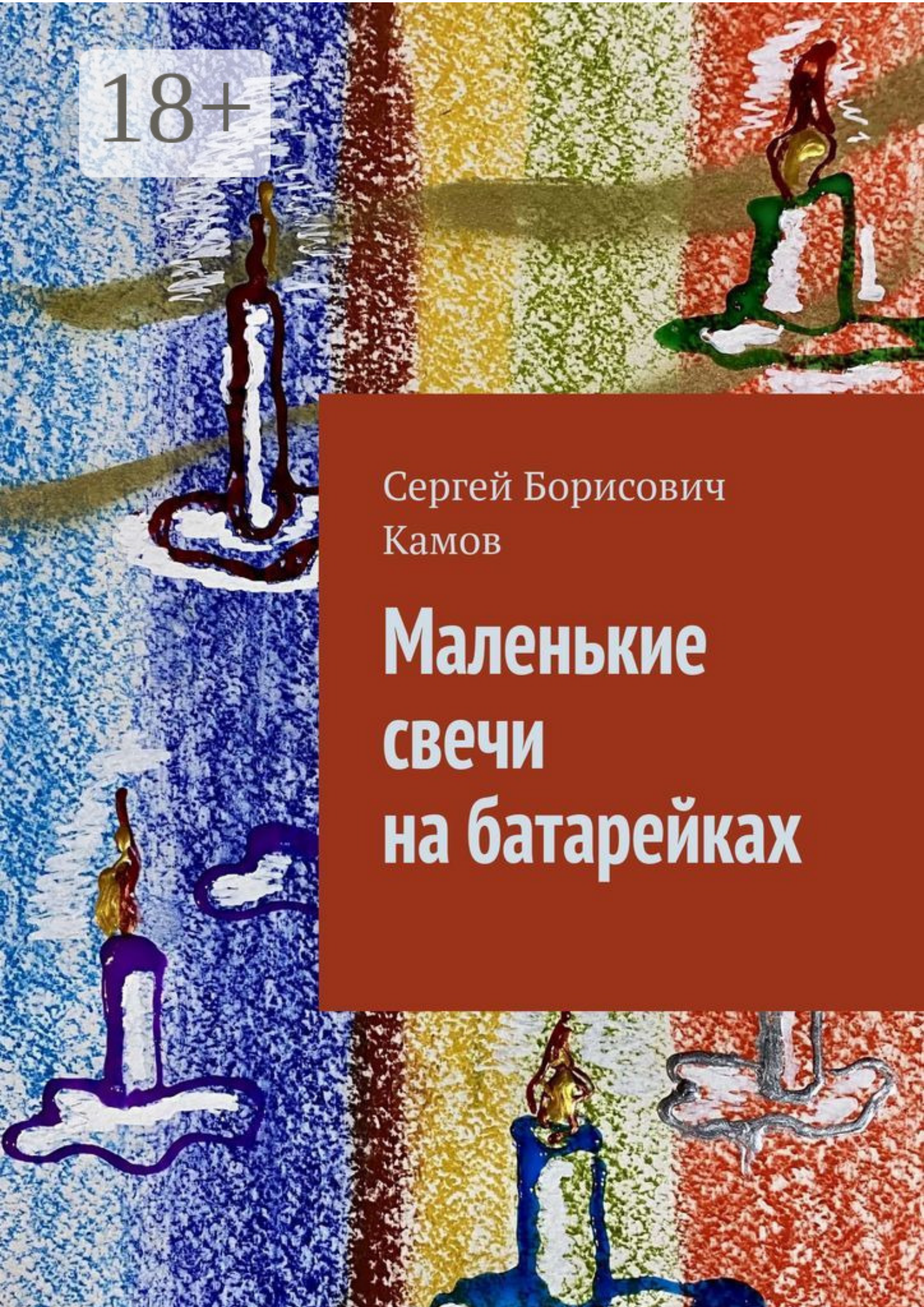

18+

Сергей Борисович
Камоу

Маленькие свечи на батарейках

Сергей Камов

Маленькие свечи на батарейках

«Издательские решения»

Камов С. Б.

Маленькие свечи на батарейках / С. Б. Камов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-568108-9

Москва. Конец 90-х. Таинственным образом двое целителей попадают в официальные медицинские учреждения, где начинают лечить детей от самых серьезных заболеваний... Как их встретили врачи, родители, сами маленькие пациенты? Получилось ли создать в поликлинике из обычных подростков сверх-людей, влияющих на события настоящего и будущего? Можно ли отбиться от банды из 315 палаты или как за несколько минут легко уверовать в Бога? Книга написана на основе реальных событий.

ISBN 978-5-00-568108-9

© Камов С. Б.

© Издательские решения

Содержание

Маленькие свечи на батарейках	6
Часть Первая	7
1. Немного Обо Мне	7
2. Вы любите хвастаться?	10
3. В кабинет постучали	12
4. Ты – Сергей?	16
5. Витька	19
Часть Первая	19
6. Витька	22
Часть Вторая	22
7. Мы не виделись	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Маленькие свечи на батарейках

Сергей Борисович Камов

© Сергей Борисович Камов, 2022

ISBN 978-5-0056-8108-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькие свечи на батарейках

Часть Первая

1. Немного Обо Мне

Студентку – медичку привезли в роддом рано утром.

Класть её было некуда, и по старой советской традиции место нашлось в коридоре как раз напротив висевших там часов.

Её осмотрели, и врач велел ей следить за схватками вот по этим самым часам и ушёл.

Схватки стали нарастать довольно скоро, но никто из персонала не обращал на сверхтерпеливую студентку внимания.

Наконец, проходя по коридору по своим делам, врач решил все же поинтересоваться, сколько схваток в минуту.

– Сколько? – заорал он и сдернул простыню. В родильное, немедленно! Там уже головка показалась!

Через несколько минут я все же выбрался на поверхность, но был радикально синего цвета – пуповина перевилась вокруг моей шеи два с половиной раза.

Я смутно помню эти события, но наверняка переживал, как это скажется на моих умственных способностях.

Говорят, что антропологи считали появление речи признаком возросшего ума обезьяны. Я начал говорить месяцев в шесть, и с тех пор рот не закрывался. Так, что это было косвенным подтверждением, что какой-то ум у меня все же был.

Мы жили тогда в одной комнате трехкомнатной коммуналки, где собственно и познакомились мои родители: Папа приехал из Ленинграда на каникулах в гости к нашей соседке, Позине Марковне, и встретил Маму.

Потом оказалось, что родились они в одном и том же питерском роддоме и даже метрики были выписаны одной рукой.

При моем появлении дома, у меня не было своей кровати, поэтому я спал на двух сдвинутых стульях, стоявших возле родительской тахты.

По ночам я не очень любил спать и очень хотел, чтобы к процессу моего бодрствования обязательно кто-то присоединялся.

Маме отдавалось самое большое предпочтение.

Днём я добирал недостаток ночного сна сам, а Мама ходила в институт, где процесс сна студентов не был предусмотрен.

Однажды в выходной Мама проснулась попозже и застала Папу за интересным занятием: вынув меня из конверта, он поочередно раздвигал и прижимал к моему тельцу руки и ноги.

Выяснилось, что ночью я решил попутешествовать и сначала скатился со стульев на тахту (об этом говорило приличное мокрое пятно на простыне), а затем уже свалился на пол, и Папа хотел понять, что я собственно себе повредил.

Тогда это не было видно, а сейчас вы понимаете, откуда все мои странности.

После этого события Папа с чувством выполненного долга уехал обратно в Ленинград доучиваться в своей аспирантуре, Мама осталась одна, а я перекочевал в коляску.

Когда Мама возвращалась из института, она продолжала учиться, наивно полагая, что меня, имеющего уже полугодовой опыт, можно было укачать ногой, а в руках продолжать держать учебники или тетрадки.

Раннее развитие ребёнка упрощает процесс общения между родственниками, поэтому в шесть месяцев я просто заявлял Маме:

«Кацый ючками, ючками!»

Чтобы жизнь Маме не казалась такой легкой, я ещё до двух лет устраивал приступы, когда я снова синел и вытягивался, как оловянный солдатик. Выводился я из этого состояния только путём погружения моих ног под горячую воду.

В три года я пошёл в госплановский детский сад в центре города, куда меня возил Дедушка на ведомственной машине пять раз в неделю.

В субботу я сидел дома, потому что у Деда был короткий день.

В шесть лет меня наконец сбагрили в школу рядом с домом. Но по субботам я категорически отказывался вставать: потому что «Короткий день, и идти туда не имеет смысла».

В шестом классе я переболел классической scarlatina и две недели лежал в кровати под неусыпным контролем Папы и большой дозы пипольфена, снимавшего аллергию и усып-лявшего меня на целый день.

Поэтому, когда я заболел scarlatina во второй раз ровно через год, её «прозевали», ведь, ею, как известно, не болеют дважды.

Ну, они же не знали меня!

В тот же год я съездил на лето с полужнакомыми родственниками в Бобруйск, где перекупался в реке, и у меня начался цистит.

Группа взрослых на вид людей с высшим образованием сильно радовались, когда я в 12-й раз за час бегал в туалет...

По возвращении домой я загремел в больницу, где у меня нашли пиелонефрит – это такое заболевание почек.

Мама не хотела, чтобы я долго лежал в больнице на другом конце города, и пообещала врачам провести курс лечения дома, проколов мне пенициллин.

Папа был в командировке, а мамина интуиция подсказывала ей, что почему-то без него меня не надо колоть...

По его возвращении, в тот же вечер, Мама решила выполнить обещание врачам, но все как-то шло не так: шприц не варился в стерилизаторе, ампулы странно ломались, и, в результате, Мама ввела мне только четверть дозы.

Аллергия началась немедленно, а скорая по маминому вызову в центре Москвы ехала 2 часа 40 минут.

Пипольфена на этот раз дома не было, и я, недолго думая, начал откидывать коньки...

И тут Папа вспомнил, что в одной самиздатовской книжке про йогу было написано, что, если делать одно особое дыхание, то можно набирать в руки энергию и передавать её другому человеку.

Йогой Папа занимался к тому дню уже пять лет.

И Папа начал «дышать».

К моменту приезда «Скорой» я был жив, и они ввели мне что-то, что сняло аллергию.

Я стал окончательно приходить в себя.

Так мой Папа стал целителем, а я его первым пациентом.

Может именно из-за этой истории Папа позже спас очень многих людей.

А кто его толкнул на этот тернистый путь?

Ну, Вы же поняли, что это был я!

2. Вы любите хвастаться?

Вы любите хвастаться?

Меня хлебом не корми, дай рассказать про себя что-нибудь эдакое...

Например, вот эта история.

Дело было в 1997 году.

Мы с Папой работали в поликлинике детской морозовской больницы.

Нас пускали сюда на четыре часа по понедельникам.

В один из таких дней в кабинет вошла наша знакомая медсестра Светка.

– Ты что такая озабоченная? – спросил я – Случилось что?

Светка села на пациентский стул.

– Да с собакой замучалась. Старая она у меня. Полночи спит со мной, греется, а в середине ночи залезает под неработающую у нас батарею.

А там сквозняк. Замерзает. И начинается кашель. Ничем его не убрать. Есть у тебя какие-нибудь идеи?

– Слушай. У меня таких зверей никогда не было. Потому и не лечил. Давай попробуем Су-Джок.

– Это твоя корейская система?

– Не. Не моя. А профессора Пак Чже Ву. Но у него очень важно твоё намерение вылечить пациента. Лечить будешь ты!

– Это как? – спросила Светка.

– Подойдёшь к собаке, возьмешь ее за голову и, глядя прямо в глаза, скажешь: «Торможение Ветра Легких!» Повтори!

– Торможение Ветра Легких... – пробормотала Светка.

– Не! Так дело не пойдёт! Громко, четко с намерением и желанием, чтобы собака выздоровела!

– Торможение Ветра Легких! – громко сказала Светка и засмеялась. – Всё! Побежала выполнять.

И выпорхнула из кабинета.

Через два дня дома раздался телефонный звонок. (Кто не помнит – мобильных тогда не было!)

– Сереж! Это Света!

– А привет! Как дела?

– Она перестала кашлять! В тот же день! Если бы кто мне сказал, не поверила бы! Спасибо!!!!

И повесила трубку.

Я вернулся на кухню к знакомому.

– Ты что такой радостный? – спросил он.

– Да вот вылечил старую собаку от кашля!

И рассказал историю про Светкиного пса.

– Как ты говоришь надо сказать? Торможение Ветра Легких? Сегодня же попробую! У меня пёс тоже кашляет уже не помню сколько...

Несколько дней спустя раздался телефонный звонок:

– Сергей, это Виктор. Слушай, я думал- это анекдот. Но решил, дай-ка попробую! Она конечно пыталась от меня удрать, но я ее поймал, зажал мордочку в руках и выпалил твои: «Торможение Ветра Легких!» Прошёл день. И кашля как не бывало. Уже два дня тишина!!! Спасибо тебе!

И бросил трубку.

Такая вот история.

А вот эту собаку Мону я лечил картиной. Она попала под машину и сломала лапу!

3. В кабинет постучали

В кабинет постучали и дверь открылась.

– Можно? – спросила Нина Андреевна и вошла, проталкивая перед собой сына.

– Да, конечно, садитесь! – Сказал я.

Мама села у стола, выложив на него пакет с какими-то таблетками, а Андрюха уселся на пациентский стул посередине комнаты. Ему было лет 9—10, и сегодня он выглядел просто отвратно: осунувшийся, грустный и, главное, что бросалось в глаза, странного цвета.

Его лицо было и красным, явно от температуры, и каким-то ещё непонятным, бледным? Ну как тут быть бледным?

– Отит у нас, сказала Нина Андреевна Второй день температурим, уши болят.

– Сколько, температура?

– Сейчас 38,8... Мы ходили к лору, она нам выписала всякие антибиотики.

И она кивнула на пакет.

– Ясно, сказал я. «Химию» вы же проходили недавно, и, вроде, не тяжело? – Да, спасибо вам с Борисом Николаевичем (это мой Папа), там все было нормально. Он даже в школу пошёл. Долги надо было закрывать...

– А кто на него наорал в воскресенье? – спросил я.

– Ой, что вы, Сергей Борисович! Что вы! Никто!

– Ну, вас я пока исключаю. Брат?

– Нет, его в воскресенье не было...

– Тогда кто, папа Андрюхин?

– Да, нет... – с меньшей уверенностью сказала мама.

Я поглядел на Андрюху, и тот едва кивнул...

– Значит он! А указательным пальцем в тебя тыкал?

Андрюха снова кивнул, но уже увереннее.

– Это плохо. Указательный палец, Андрюха- это оружие! Вы же когда в войнушку играете, а с собой пестиков нет, из него и стреляете?

Андрюха посмотрел на меня с интересом.

– А нам с тобой защита нужна. Давай представим, что на тебе доспехи. И обязательно щит. Я щас возьму... (я поискал на столе) ...вот этот карандаш. И буду как будто стрелять. А ты должен закрываться щитом! Идёт?

Андрюха кивнул.

Я направил на него карандаш тупым концом и сказал:

– Пух!

Андрюха дернул левую руку вверх, прикрываясь щитом.

– Пуух! Пууух! – повторил я.

Андрюха закрывался уже быстрее и увереннее.

– Молодец! Только о том, что у тебя щит не должен никто знать. Мама будет молчать (я посмотрел на неё очень сурово, и она, похоже, в мою суровость поверила).

– Поэтому ты будешь закрываться щитом мысленно, не двигая руками. Давай повторим!

Андрюха приготовился, и мы вновь устроили перепалку. Сначала он двигал ещё плечом, но позже перестал и был явно очень доволен.

– Ну вот! Теперь ты сможешь защититься. Только не забудь улыбаться про себя. Тайно. Чтобы никто не узнал. Понял?

– Да, – сказал он и тайно улыбнулся во весь рот.

– Теперь я научу тебя самому себя делать очень сильным с помощью того же указательного пальца.

Я протянул ему восьмушку листа с рисунком семи энергетических точек.

Сейчас ты пойдёшь в коридор, сядешь, положишь на колено левую руку ладонью вверх и прикоснешься указательным пальцем правой руки к первой точке. Представь, как золотой поток энергии идёт из пальца в эту точку и сосчитай до 27!

Это волшебное число. Потом перейди на следующую точку. Сделай то же самое. И так до седьмой. Когда прогреешь все, скажешь: «Я закончил!» и вернёшься к нам.

Для верности я показал на своей руке всю последовательность действий.

– Ясно?

Мальчишка кивнул и вышел с листочком в коридор.

Я повернулся к маме:

– У нас две с половиной минуты! Давайте ваш домашний телефон!

– Зачем? – Удивилась она.

– Будем общаться с вашим папой.

Она нехотя дала телефон. Я покрутил диск чёрного телефона на столе.

Секунд через двадцать я услышал «Алё!» и явный запах водки с пивом.

– Он что у вас – пьёт?

Нина Андреевна резко покрутила головой.

– Нет, что Вы! Ну, щас из рейса вернулся, немного так расслабился.

– Как его зовут?

– Валера... Валерий Иванович.

– Валерий Иванович. Добрый день. Меня зовут Сергей Борисович. Я звоню из Морозовской больницы по поводу вашего сына Андрея.

На том конце провода наметилось собирание мозгов в кучу и последовала реакция:

– А что с Андрюшей?

– У него воспаление среднего уха. Оно у детей бывает чаще всего в двух случаях: или надуло в уши, или на ребёнка наорали. В вашем случае было второе.

– А кто? Кто наорал? – спросил Андрюхин папа.

– Вы, уважаемый Валерий Иванович. И, если вы думаете, что при лейкозе у ребёнка отит помогает в лечении, то вы очень заблуждаетесь!

Валера, похоже, стал трезветь.

– А что делать-то?

– Значит так! Им ехать примерно полтора часа. Любым способом встретить их трезвым, как стекло. И извиниться. Только не формально! А с пониманием того, что вы натворили. От души. Это понятно?

– Да...

– Выполняйте быстрее, время уже пошло.

И положил трубку.

У Нины Андреевны от моего общения с её мужем в глазах стоял ужас попеременно с восхищением. Похоже, с ним никто ТАК давно уже не говорил.

– Он должен извиниться! – сказал я, и в это время дверь открылась и вошёл явно повеселевший Андрюха. Лицо было красным, но уже не таким болезненным.

– Смотри, произошла неприятная ситуация. На тебя накричал папа. Да, в этом он был неправ. Он не должен был кричать. Но ты же знаешь, почему он это сделал?

Андрюха кивнул.

– Я вместо уроков в танк играл (в те времена, в 1996 году, дети ещё играли в игрушки, а не компьютеры!)

– Ну, вот! Поэтому тебе надо будет признаться папе, что ты в ЭТОМ был неправ. Идёт? Андрюха вздохнул и кивнул одновременно.

– За храбрость я оставляю тебе волшебный щит, эту тайную бумажку с энергетическими точками, энергию в указательном пальце и нашу тайную же улыбку!

Андрюха заулыбался.

– Теперь вы, Нина Андреевна. Пакет с таблетками – прямо сюда!

Ногой я вытолкнул из-под стола пустое мусорное ведро.

– Смелее! Вам не нужны никакие антибиотики. А то, когда они вдруг понадобятся, то не сработают. Вот вам витамины! По две таблетки каждые два часа.

Я посмотрел на Андрюху:

– Вымой руки с мылом, вытри вон тем полотенцем и получишь вещь несказанного вкуса!

В чистые руки я вытряхнул две похожие на шоколадку таблетки, кои мгновенно исчезли у мальчишки во рту. Рот выражал явное удовольствие.

– У меня нет с собой денег за витамины, Сергей Борисович...

– Принесёте в следующий понедельник! И сегодня в одиннадцать я жду отчета. Телефон мой вы знаете.

Я получил два комплекта «До свидания» и «Спасибо». Один сквозь две таблетки со вкусом шоколада.

Вечером я успел уже поужинать, поиграть с детьми и уложить их спать, когда раздался телефонный звонок:

– Сергей Борисович! Докладываю: Валера извинился перед Андрюшей, а тот перед папой. Валера был в чистой рубашке и даже причёсан к нашему приходу! И совершенно трезвый – шёпотом добавила она.

– Теперь о температуре: в 7, когда мы доехали, – 37,8, в девять – 37,6, сейчас- 37,4.

– Отлично, Нина Андреевна! Если ночью проснётся- ещё две таблетки! И до утра! Спокойной ночи!

Ну, что ж. Процесс пошёл!

Наутро снова зазвонил телефон:

– Докладываю! В 9 утра температура 36,5. Явно лучше, но лежит в кровати и в школу идти не хочет!

– О! Выздоровление налицо! Продолжайте пить витамины, как и вчера, с завтрашнего дня по две утром и вечером. И в понедельник я вас жду! Привет Андрюхе и вашему мужу.

Я положил трубку.

Все неплохо!

Вот только, где бы найти ксерокс, чтобы сделать ещё волшебных бумажек?

«Папа, Мама, Я -дружная Семья»

Картон, акрил

280x280мм

4. Ты – Сергей?

– Ты – Сергей? – спросил меня парень лет 27.

Я кивнул.

– А я – Виктор, – сказал он

– Привет тебе!

– Мне ребята сказали, что ты работаешь в онкологии.

– Это так. Детской онкологии. – Уточнил я.

– Угу... Смотри, какая у меня ситуация. – Виктор подбирал слова. – В общем у моего отца рак. 4 стадия. Множественные метастазы.

Я понимающе кивнул.

– Папа лежит в больнице. и прогнозы плохие: маме сказали, что осталось недели две, максимум три. Чтобы мы были готовы...

Виктор замолчал, и секунд через двадцать продолжил.

– Мой отец – литовец. А живет большую часть жизни после женитьбы на маме в Омске. И сейчас он там. Так вот, он очень хочет доехать до дома, где он родился. Там его сёстры, племянники, и умереть там.

Виктор посмотрел на меня внимательно.

– Можешь что-то сделать.?

– Ну, смотри. Я не волшебник, я только учусь. Что я могу сделать. Я тебе нарисую картинку. Это кисть руки. На ней 13 точек. Их нужно прогревать хотя бы секунд 20—30. До ощущения тепла в точке. Можно и дольше, учитывая ситуацию. Что я тебе гарантирую, что у папы многократно уменьшатся боли и улучшится состояние. На сколько? Не знаю, но другого выхода я не вижу.

Я нарисовал на листочке энергетические точки на обеих сторонах ладони, написал свой домашний телефон (это был 1997 год) и отдал Виктору.

– Я грею специальными полынными сигарами. Но в стационаре жечь ничего не дадут. Сможешь маме переслать?

– Да, смогу. По факсу. Я перезвоню рассказать, что да как.

Прошло две недели, и вечером зазвонил телефон:

– Сергей, привет! Это Виктор. Мы готовы ехать!

Я был в шоке.

– Сначала ушли боли, как ты и говорил. Постепенно, но практически полностью! Он стал вставать и ходить понемногу. Потом стал принимать контрастный душ и делать немудрящую зарядку. Веришь?

Я молча закивал, потом опомнился, что мы говорим по телефону:

– С трудом. Но верю!

– Короче, ученик волшебника, они приезжают в пятницу. Сможешь подойти?

– Ну, по такому случаю высвобожу день. До встречи!

Гостиница, где остановились родители Виктора, была на ВДНХ. Номер был по – советски спартанский, но большой, двухкомнатный.

Меня встретил Виктор, познакомил со своей мамой и позвал меня в соседнюю комнату, где я ожидал увидеть его папу.

Но комната была пуста

– А папа где? – спросил я.

– Душ принимает. Подожди минут пять.

Я сел на стул возле кровати и принялся ждать.

Из душа доносился шум льющейся воды. Через минуту из душевой я услышал громкий рык. Потом ещё один. И ещё.

– Папа контрастный душ принимает, – пояснил Виктор.

Звук, который я слышал не был похож на голос умирающего человека. Скорее на возглас гладиатора в нападении.

– Слушай, а диагноз точно верный? Они там ничего не напутали? – спросил я Виктора – Голос уж больно не похож на больного в четвёртой стадии...

– У мамы полсумки заключений и рентгеновских снимков. Можешь посмотреть.

– Верю... Хотя и с трудом.

Минут через пять из душа твёрдой походкой вышел мужчина лет шестидесяти, на ходу вытиравший голову полотенцем.

Мы поздоровались. Я посмотрел на него, попытался шупом найти на ладони болевые точки, чтобы уточнить расположение опухоли и других поражённых органов. И, не найдя ничего особо крамольного, пообщавшись с мамой и Виктором, распрощался и вышел.

Все было странным...

Прошёл месяц. Виктор не объявлялся, и наши общие знакомые его тоже давно не видели. Я периодически гадал, что там и как...

И вдруг – телефонный звонок:

– Привет, Сергей. Это я.

Это был Виктор.

– Ты куда пропал? Месяц полная тишина.

– Да я только вернулся из Литвы.

– Рассказывай!

– Ну что. Информации две.

Первая – папа умер. Как и хотел: дома, все вокруг него там ходили, радовались ему, ухаживали. Он был такой счастливый, ты бы видел!

Вот!

– А какая вторая? – спросил я.

– Когда его вскрыли, не нашли ни опухоли, ни метастазов. Ни-че-го!

Представляешь? Совершенно ничего... Как это могло быть?

Что ты думаешь?

Я задумался.

– Мои идеи такие. Папа получил то, что просил и чего так сильно хотел: приехать домой и среди близких людей умереть. А не вылечиться и продолжать жить дальше... Да, наука нам всем...

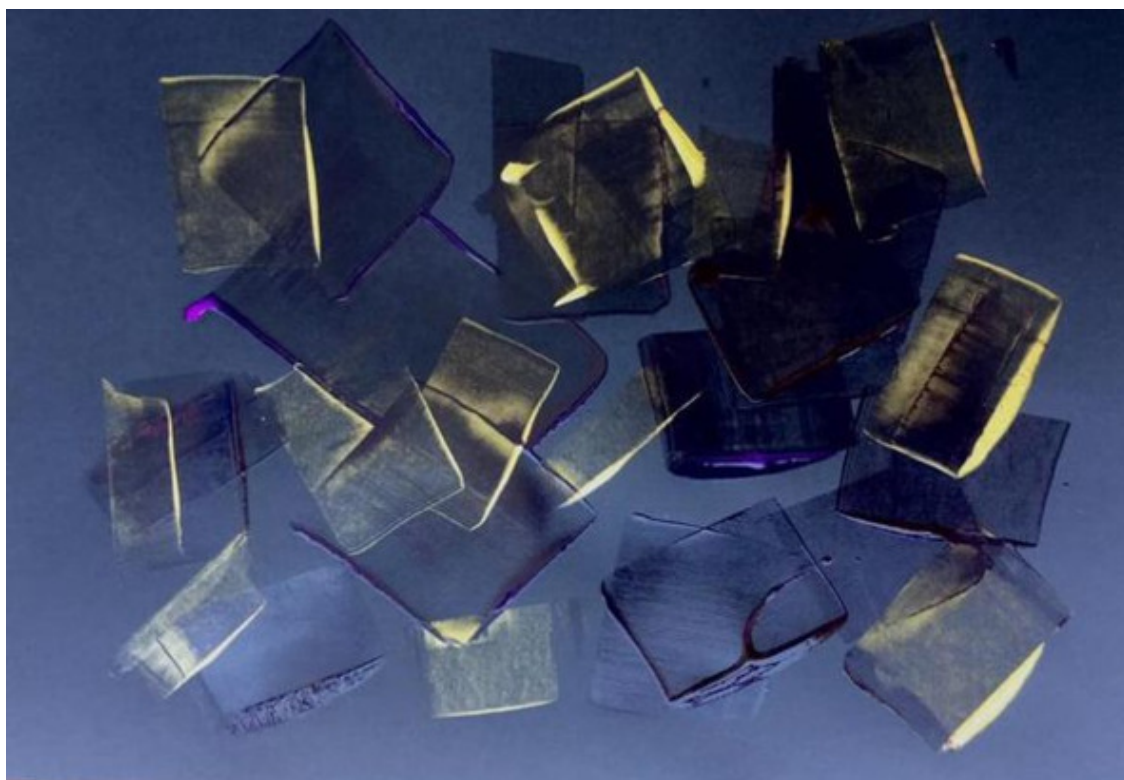
Думай правильно!

И мы повесили трубки.

«Возможности»

Картон, акрил двух видов.

210x290мм

5. Витька

Часть Первая

Вовчик уже во второй раз пришёл в школу с Адькой и Адькиной мамой Ленкой.

– Ты что теперь водишь Вовчика в школу? А Ирка где?

Ленка удивлённо посмотрела на меня:

– Ты что не знаешь? С Витькой совсем плохо, и Ирка с ним почти безвылазно. Онкология там. И все очень паршиво...

Витька – это Иркин муж и папа. Вовчика.

– Печально... У тебя их телефон есть? Позвонить Ирке. Может чем помочь...

– Чем уж тут можешь? Прогнозы, Ирка сказала, самые что ни на есть отвратные...

А телефон запиши...

Проводив сына в школу, я пришёл домой и позвонил Ирке.

Она ответила довольно быстро, голос был совсем без сил... После нескольких формальных фраз я рассказал Ирке, что последние шесть лет работаю в детской онкологии и что есть несколько возможностей улучшить их ситуацию.

– Я вообще не очень представляю, что здесь может быть «улучшить». Он на наркотиках и почти все время без сознания. Мне просто сказали: дней десять-пятнадцать. Короче, не боишься – приходи!

Через час, собрав мой «тревожный чемоданчик» со всякими иголками, семенами, магнитиками, щупами, пластырем и пачкой фломастеров, я позвонил в Иркину дверь.

Ирка была сильно осунувшейся, но все равно накрашенная и прибранная.

– Привет! Заходи! Нашёл тапки?

Я помыл руки и вошёл на кухню, где стоял витькин диванчик, где горела лампа над разделочным столом и где он лежал в полузабытии. Витька всегда был поджарым и достаточно высоким. Сейчас он был худым, как скелет.

– Ну, вот так мы выглядим... Чая хочешь? – спросила Ирка по вежливой привычке.

Я понял, что витькино состояние никуда не денется ближайшие полчаса, а вот Ирку надо вытаскивать.

– Сядь! Щас немного тебя приведём в порядок, а потом займёмся больным. – сказал я и достал полынную сигару, плавающую свечку и пододвинув поближе стоявшее на столе блюдо.

Я зажег свечку и стал на ней разжигать толстую, сантиметра полтора в диаметре, сигару.

– Смотри, я сейчас буду греть тебе руки, нам надо, чтобы было хорошо тепло, но не пахло шашлыком, это понятно? – сказал я.

Она кивнула.

Я понемногу стал прогревать точки на ладони и увидел, как Ирка постепенно расслабляется, лицо начинает розоветь и силы неспешно начинают входить в иркино тело.

Минут через пятнадцать она повела плечами, заулыбалась и начала перемещаться по кухне, словно проверяя, действительно ли ей стало лучше.

Стало действительно.

Она машинально схватила чайник, налила из-под крана воды, включила его и опять спросила.

– Чая хочешь?

Я улыбнулся и сказал, что сигара у меня в боевом положении и надо ее использовать.

Придвинув два стула ближе к витькиному диванчику, я поставил блюдо с уже затушенной свечкой на один стул и, сев на другой, я взял Витьку за его тоненькую и холодную руку.

Дальше я проделал все те же действия, что и с Иркиной рукой, только грел просто по интуиции.

Минут через десять рука стала согреваться, а Витька начал немного ворочаться и даже едва приоткрыл щелочки глаз...

– Слушай, он начал двигаться! Это так редко бывало последние дни.

Чайник издал шипяще-свистящий звук. Ирка посмотрела на меня, я затушил огарок сигары, спрятал свои инструменты в «чемоданчик» и сказал:

– Чай буду!

Я понимал, что Ирке сейчас нужно выговориться...

Назавтра я позвонил днём.

– Слушай, Сереж, неужели с одного раза что-то может меняться? Витька открыл глаза. Ему лучше. Он изображает страшные боли, но я вижу, что он симулирует. Я не стала колоть «Промедол»... Придёшь сегодня?

– Да, приду. Часиков восемь, полдевятого.

Натянув те же, что и вчера тапки, я вошёл на кухню, где сегодня горела трехрожковая люстра.

Витька был в сознании и смотрел на меня.

Я пожал несильно его еле подвижную руку.

– Привет! Рад, что сегодня ты не спишь!

Витька взглядом окинул себя и кухню и тихо проговорил, как бы извиняясь:

– Ну, вот такие, Серега, дела...

– Я тут решил тебе немного подсобить, если не возражаешь, – сказал я. Грею людям руки по ночам. Профессия у меня такая.

Витька сделал неопределенный взмах рукой^о, типа, делай, что хочешь.

Я снова разместился на двух стульях, Ирка принесла вчерашнее блюдо, я раскопегарил новую сигару и взял Витьку за руку. Сегодня она была теплее и более живой.

– Будет горячо, скажешь!..

Потом я прогрел руку Ирке и, собрав свои манатки, без отсида отправился домой, сославшись на реальную усталость.

Так продолжалось дней пять.

На шестой день Витька уже сидел на своей тахтушке в пижаме и тапках.

– Смотри, как могу, – сказал он с легкой улыбкой.

– Класс! Мне нравится. Ну что ж, этот уровень пройден. Переходим к следующему. Теперь будем тебя чистить снаружи и изнутри.

– Это как? – спросил Витька

– Предельно просто: будем тебя отмачивать в ванной минут пятнадцать, а потом специальной мочалкой тебя оттирать без мыла и гелей. Это мой папа придумал. Работает на раз!

Я показал, как надо взять какую-нибудь скользкую тряпочку, желательно шелковую, прострочить ее суровыми толстыми нитками, чтобы получилась клетка примерно в один сантиметр, и сшить варежку наподобие обычного продолговатого мешочка.

– Вымочишь его в тёплой воде – я кивнул в сторону Витьки. Потом он встанет, стряхнёшь с него рукой воду, обмакнешь варежку в воду и выжмешь ее. После этого, сильно нажимая, медленно поведёшь по телу. Тут, о чудо, ты увидишь, как с твоего благоверного будут скатываться куски кожи! Катышки будут длиной по пять-семь сантиметров.

– Осилишь? – спросил я Ирку.

– Только не завтра. Мне должны этот мешочек сшить.

– И ещё одно. Руку греть будет сам пациент. Вот схема. Утром и вечером. А ты как думал? – сказал я Витьке. – Я что, штатный прогреватель? Или думал в окопе отсидеться?

Вообще-то он так и думал...

Я стал приходить раза два в неделю, проверял, что да как, и ставил иголки.

К обязательным процедурам добавились клизмы и питье нашего фирменного очистительного «Чая номер один» с портретом моего папы на коробочке.

Витька прибавил в весе уже пару килограмм и свободно шатался по дому.

«Выздоровление»

Картон, акрил двух видов

299x420мм

6. Витька

Часть Вторая

Еда почему-то кончается быстрее денег.

Что с ней делают? Едят что ли?

Я вышел из подъезда и направился в универсам. Проходя мимо первого подъезда, в котором жили Витька и семейство, я машинально поднял глаза на третий этаж. И пошёл дальше.

Повернув за угол, я остановился как вкопанный.

Передо мной метрах в четырёх в болтающихся на нем трениках и клетчатой «ковбойке» двигался Витька и тащил в двух руках... тяжеленный аккумулятор от своей красной «шестерки»!

– Ты что охренел?! – заорал на него я. Ты... ты, блин, идиот! Что ты творишь?

– А что? Щас морозы ударят, я тачку не заведу, – сказал спокойно Витька и пошкандыбал дальше.

Я посмотрел ему вслед и двинулся в магазин за пропитанием.

Неделю никаких вестей от ребят не было, и я решил позвонить и узнать, что да как.

К телефону подошёл Вовчик и доложил, что мама с папой поехали покупать кофеварку, в которой варят кофе.

Ну, самая необходимая в хозяйстве вещь!

Через пару дней вечером позвонил Витька.

– Можешь зайти на полчаса. Есть разговор.

Я зашёл.

– Кофе хочешь? – спросила Ирка.

– Ну, давай. Из новой кофеварки!

Мы сидели за столом и пили кофе с соломкой и конфетами.

– Смотри. Я на бюллетене уже почти полгода. Если будет больше, меня спишут и на инвалидность отправят. У нас с этим строго.

Ребята оба служили в Конторе. Витька был целым полковником. Про Ирку не знаю.

– А от меня-то ты что хочешь?

– Понимаешь, когда ты там шаманишь, у меня сил явно побольше. Мне надо выйти дня на три всего. А там новый бюллетень ещё на полгода... Не очень я ещё годен «для строевой».

– Ну, поможешь? – спросил Витька и посмотрел на меня.

– Тащи спирт, свои иголки и сигары! Да, и свечку со спичками!

Через минут сорок моего колдовства с иголками, сигарами и верой в мое «могущество», Витька явно повеселел: он был готов к выходу в свет!

На работе ему были очень рады. Как я понимаю, там уже полгода назад с ним мысленно попрощались...

Операция «Продление бюллетеня» прошла успешно.

Завершился и ноябрь. Я много работал в клинике на Каширке, и Витька отошёл на далекий план.

Однажды вечером в дверь позвонили.

На пороге стояла Ирка.

– О, привет!

– Извините, ребята, что без звонка...

– Ничего, раздевайся, проходи! Я вообще-то один.

Я поставил чайник и сел за кухонный стол.

Ирка огляделась.

– У Вас такая же однокомнатная, как наша!

Сказала она и тут же выпалила:

– Сереж, он перестал все делать. Мне страшно. Поговори с ним!

– Как давно?

– Скоро две недели... И, мне кажется, что он хужеет...

– Боли есть? – спросил я.

– Не знаю. Явно так нет... Поговори с ним, пожалуйста. Мы только воспрянули...

Назавтра я позвонил Витьке и позвал его пройтись.

– Я знаю, о чем ты хочешь говорить, – начал он сам. – Меня задолбало делать эти клизмы, души, греть палками точки! Понимаешь, задолбало!!!

– Не понимаю. Но хочу, чтобы ты услышал меня. Два месяца назад на тебя бы не поставил и самый рискованный игрок. Мы сделали несколько правильных шагов, и ты ходишь и живешь практически полной жизнью. Что случилось? Кто тебя так?

– У меня всё норм. Щас пойду пройду химию. И всё. А не эти каждодневные хрени...

– Когда вышел пенициллин, он лечил практически любую заразу. Сейчас им, по-моему, даже лёгкие порезы не обрабатывают. Не работает. Мы сделали некие шаги. Они дали результат. Их нужно лишь повторять. Даже не год. По моим ощущениям месяцев девять или восемь. Осталось вообще полгода. И все! И ты здоров! Если бросишь, будет как с пенициллином. Второй раз может не сработать. А я не уверен, что за несколько месяцев я придумаю или найду что-то ещё более сильное. Подумай, хорошенько подумай!!!

Витька махнул рукой и направился к своему подъезду.

В апреле, как ещё водилось в конце 90-х, во дворе начался очередной «субботник».

Домком закупил тоненькие деревца, притащил струганные палки, пару топоров и десяток граблей и лопат.

Не сговариваясь, народ начал чистить двор и копать лунки под новые деревья.

Среди сажавших деревца был и Витька.

Он суетился, перебегая от дерева к дереву. По-моему, он снова похудел. Или мне это показалось.

Витька старательно избегал сталкиваться со мной даже взглядом. И через часа три мы все разошлись по своим домам...

Майские были солнечные и тёплые. Какие-то радостные.

Очень хотелось подставлять лицо нежаркому солнышку и чуть набегавшему весеннему ветерку.

Я прихватывал весеннего настроения перед своим подъездом, когда ко мне подошёл Витька.

– Опухоль выросла в три раза, и снова появились метастазы. Сажу на обезболивающих.

– Хреново...

– Пытался греть точки, немного лучше, но...

– Вить. У меня нет другого метода лечить это. Все тоже самое. Грей чаще: не один, а три раза. Мойся, чисти кишечник. Пей наш чай. Это все, что я могу сказать. Мне очень, слышишь, очень жаль...

И мы разошлись.

Месяца через три я узнал, что Витька умер в конце мая...

А деревья во дворе сейчас уже метров пять высотой.

«Прорастание пессимизма»

Картон, акрил

420x290мм

7. Мы не виделись

Мы не виделись, наверное, полгода. Ленка стояла около маленького торгового центра, где у моих детей находится пиццерия. Я вышел оттуда с пиццей «Четыре сыра», и мы пошли пешком в мою мастерскую. Машину Ленка оставила возле ТЦ.

Я был очень рад видеть Ленку, а она меня.

Мы знакомы уже столькоооо лет! В 1972 вместе начали учиться в Ленинском пединституте, в начале восьмидесятых случайно встретились в автобусе: оказалось, что мы жили буквально через дорогу и чуть-чуть наискосок. И с тех пор дружим.

Ленка рано вышла замуж, ее девчонки последовали ее примеру, поэтому, когда у неё уже родился внук Сережка, у меня только – только родился сын Димка.

Однажды бабушка Лена с внуком пришли к нам в гости. Узнав, что мальчика зовут Сережа, Димка был крайне обескуражен:

– Папа Исёзя, мачик Исёзя!? А! – закричал он. – Маенький Папочка!

И бросился обнимать нового родственника, повалив того на пол.

С тех пор Маленький Папочка прилично вырос, как и Димка. Но прозвище так и осталось для меня с Ленкой.

Пока мы шли в мастерскую, Ленка без остановки что-то эмоционально рассказывала, но я обратил внимание, что она шла довольно медленно и заметно хромала.

– Это ещё что? Чего это ты хромаешь?

– Не знаю! Уже месяца четыре. На машине- куда ни шло, а пешком еле хожу...

Мы зашли в подъезд, поднялись на лифте и вошли в мастерскую. Я дал Ленке стул, чтобы она смогла переобуться в тапочки.

После чего Ленка вошла в комнату и стала смотреть мои новые работы.

Я принёс с кухни тарелки и тёплую ещё пиццу, сделав из доски на табуретке импровизированный столик. Там же появился и чай.

Я стал рассказывать про свою жизнь, что иногда не могу остановиться и пишу работу за работой. Причём, пока пишу, я, зачастую, даже не знаю, что это будет- руки сами ходят по бумаге.

Ленка внимательно слушала.

– Смотри, – сказал я, что вчера получилось!

Я вынул из шкафа работу, сделанную баллончиками, которую мне сразу захотелось поместить в раму, и поставил ее перед Ленкой.

Ленка вынула изо рта уже надкушенный кусок пиццы... Она сидела, как замороженная минут десять молча.

Потом вдруг вскочила, сказав, что у неё на душе внезапно стало беспокойно, и ей срочно надо домой, потому что, по ее ощущению, плохо маме.

Маме было девяносто три, и она действительно тяжело болела.

Ленка помчалась в коридор, впорхнула в уличные туфли и, постоянно извиняясь на ходу, побежала к лифту.

Я был в шоке.

Минут через пятнадцать она позвонила, чтобы сказать, что маме было нехорошо с сердцем, и Ленка это почувствовала, глядя на картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.